

Он сдавил мою шею и грубо дернул за брюки. Пояс скользнул вниз, подставляя изгиб моей спины холодному воздуху. По коже пробежал озноб. Тело покрылось мурашками.

— Не трогай меня! Я же сказал — я не продаюсь!

я ударил вслепую, размахнувшись рукой. Случайно — или по воле рока — мои пальцы полоснули его по лицу. Раздался резкий хлопок ладони, и на его безупречной щеке расцвело алое пятно. Мои ногти оцарапали его достаточно глубоко, чтобы выступила кровь. Тонкие красные полосы поползли вниз по его лицу.

Я замер, придя в ужас от содеянного. Я не собирался бить его — тем более оставлять отметины.

Константин уставился на меня, его глаза выражали недоверие. А затем — удар. Боль взорвалась в моем лице. Голову мотнуло в сторону, и я врезался в диван. Из носа и рта хлынула кровь.

Один удар — и мой рот превратился в месиво. В черепе загудело. Я вцепился в диван, заставляя себя выпрямиться. Красные капли падали с моих губ, пачкая подушки.

— Раздражаешь.

Его голос раздался позади. В нем не было ни ярости, ни даже резкого раздражения. Лишь низкий, скучающий тон, будто он прихлопнул муху.

— Не продаешься даже за двадцать штук. Впечатляющая гордость.

— И всё же... Ты сам вцепился в меня. Трудно поверить, что ты — тот самый высокомерный Константин, которого я когда-то знал.

Мои окровавленные губы выплюнули горькие слова. Он едва заметно усмехнулся.

— У меня нет вкуса к принуждению тех, кто не желает. И нет вкуса к тому, чтобы рыться в дырах, изношенных до дыр.

— И тем не менее?

— Будь это кто-то другой, мне было бы плевать. Кому какое дело, что Дэниел одержим какой-то шлюхой? Но тот факт, что это ты... вот это уже забавно.

Его неспешный голос заставил мои пальцы снова задрожать. Кажется, я начал понимать, что

творится у него в голове. Тогда я был лишь игрушкой, которая его едва забавляла. Теперь же, когда кто-то другой отчаянно жаждал обладать мной, его гордость была задета. Осознав это, я скривил губы в горькой улыбке.

— Сначала я пялился на тебя, потому что ты показался мне знакомым. А потом увидел, как ты сосешь член у другого мужика, и всё сошлось. Абсурд, право слово.

Его издевательский тон вывел меня из оцепенения. Мне не нужно было смотреть, чтобы представить его лицо — губы, изогнутые в этой сияющей, красивой улыбке. Холодный смех, скрытый за этим блеском.

— Прошло десять лет, а твое лицо всё еще стоит того, чтобы его трахнуть...

Но его слова оборвались. Раздался тошнотворный хруст. Я со всей силы боднул его головой в лицо.

Высокий мужчина пошатнулся и отступил на несколько шагов, зажимая нос. Между его пальцами заструилась кровь. Широко раскрытыми, немигающими глазами Константин уставился на меня, словно в оцепенении.

Похоже, я сломал ему нос. Но этого было мало. Мои глаза, налитые яростью, вспыхнули, когда я бросился на него. Кулаки были сжаты так крепко, что на ладонях выступила кровь; я начал беспорядочно размахивать руками, нанося удары. Может, мои замахи были слабыми и неточными из-за наркотиков, а может, адреналин придал мне больше сил, чем я осознавал. В любом случае, во мне осталась лишь одна мысль: необходимость забить его.

— Ты всё еще думаешь, что я твоя чертова собака? Что если ты возбудишься или помашешь деньгами, я раздвину ноги и заскулю? Не смей меня! Я завязал с этим дерьмом десять лет назад! Ты больше не будешь дергать меня за ниточки!

Я неистовствовал, размахивая кулаками. Эмоции, которые я копил в себе, прорвали плотину. Я бросился на него с налитыми кровью глазами, готовый взорваться. Но Константин блокировал каждый выпад. Ни один удар не достиг цели.

Фрустрация разрывала меня. Если бы я не был под кайфом, я бы не махал руками так беспорядочно. Зрение плыло, конечности налились свинцом. Разумеется, мои кулаки пролетали мимо.

«Тц». Он цыкнул языком. Внезапно он уклонился, пропуская мой удар мимо. Мое тело по инерции качнулось вперед. Его кулак врезался мне в живот.

Бам! Удар пришелся точно в цель. Желчь подступила к горлу. Прежде чем я успел прийти в себя, его апперкот впечатался в мою челюсть. В голове загремело. Мое тело оторвалось от

земли и рухнуло вниз, с глухим стуком ударившись о пол.

Агония затуманила зрение. Я свернулся калачиком на начищенном полу, постанывая. Я хотел вскочить, напасть снова — но тошнота скручивала нутро, а головокружение пригвоздило к месту. Даже пошевелить пальцем казалось невозможным. Проклятия наполняли мой разорванный рот.

— Санни, знай меру в своих истериках.

Он стоял надо мной, невозмутимый, с ровным дыханием. Если бы не размазанная по лицу кровь, никто бы не поверил в то, что только что произошло.

Я отдал всё, что у меня было, а он остался невредим. Несправедливо. По крайней мере, я сломал ему нос и пустил кровь. Это уже что-то.

Всё еще задыхаясь, я заставил себя сесть и сплюнул кровь на пол.

— Пошел ты.

— ...

— Я могу продаться Дэниелу, конечно. И другим тоже. Продажа этого изношенного тела не имеет значения. Но тебе — никогда. Тебе я никогда не продам.

Слова срывались с моих окровавленных губ, мой собственный голос звучал жутко и глухо. Мой взгляд горел красными прожилками, в нем была неприкрытая ненависть. Мне не нужно было зеркало, чтобы знать: мое лицо искажено гневом и отвращением — выражение, на которое я никогда не был способен годы назад.

— Вот тебе предупреждение. Не смей ко мне прикасаться. Если сделаешь это, я позабочусь о том, чтобы Дэниел больше никогда не вел с нами дел.

Блеф, преувеличение, но это была самая острая угроза, что у меня была. Константин промакнул кровь салфеткой, слегка наклонив голову.

— И какое это имеет отношение ко мне?

Его ответ был плоским, без тени удивления. Я наполовину ожидал этого. И всё же горечь обожгла горло.

— Я подам на тебя в суд. Я продам эту историю. Таблоиды расклеят твоё имя по всем первым

полосам.

— Валяй. Пробуй. Сколько влезет.

Это было всё, что у меня осталось. Но он лишь усмехнулся. Я заскрежетал зубами так, что, казалось, они треснут. Не находя больше слов для угроз, я в ярости сжал кулаки.

Что еще я мог сделать, чтобы стереть эту самодовольную ухмылку с его лица? Как, черт возьми, заставить его отпустить меня?

— Яд в твоих глазах... — пробормотал он, словно про себя.

Я не расслышал отчетливо — то ли из-за салфетки, прижатой к его носу, то ли из-за тишины его голоса.

— Подавай в суд, продавай меня, делай что хочешь.

Его голос стал еще ниже.

— Мне уже скучно. Убирайся.

Я замер, плечи сковало. Неужели он... отпускает меня? Я правильно расслышал? Слова, о которых я мечтал, прозвучали так внезапно, что я не мог им поверить. Я сидел в оцепенении, не в силах пошевелиться, мой разум онемел.

Впрочем, он всегда был непостоянен. В одно мгновение заинтересован, в другое — равнодушен. Он уже скучал раньше, только для того чтобы бросить меня. Не стоило удивляться, что он остался прежним.

— Наблюдать за тем, как Дэниел сохнет по тебе, и так достаточно забавно. Видеть мою старую собаку, натасканную на новый трюк, тоже было весело. Но слушать твой лай о том, что ты мне не продашься? Жалости подобно.

— ...

— А теперь даже та крупица любопытства, что у меня была, испарилась.

Константин отшвырнул салфетку, которой вытирал кровь, и скривил губы в усмешке.

— Раздражает, правда. Так что, когда я говорю тебе проваливать, ты проваливаешь.

Прозвучал ледяной приказ. От него веяло таким холодом, что мои плечи похолодели. Только тогда я попытался прийти в себя и подняться. По крайней мере, я попробовал. После удара в живот внутренности скрутило, конечности дрожали, и тело обмякло вместо того, чтобы встать.

То ли из-за наркотиков, то ли из-за удара по челюсти, комната неистово вращалась. Больше всего на свете я хотел вылететь отсюда пулей, но тело отказывалось повиноваться. Снова и снова я пытался встать, но лишь оседал обратно. Холодный пот пропитал рубашку, паника нарастала.

— В чем дело? Разве ты не хотел уйти? Я говорю тебе убираться, так почему ты всё еще сидишь здесь? Только не говори мне, что ты дразнил меня, чтобы я тебя изнасиловал. Хочешь этого? Я могу. Прижать тебя, избивать до тех пор, пока родная мать не узнает, и трахать до крови. Это будет несложно.

— Что...

Может, он подумал, что я тяну время специально. Его слова резали, острые и подлые. Мои разбитые губы приоткрылись, но ничего не вышло. В голове было пусто, ни одна колкость не всплывала на поверхность.

— Но какая жалость. Я не настолько извращенец, чтобы возбудиться и наброситься на тебя после того, как разбил тебе лицо и пустил кровь из носа. Может, в следующий раз. Приходи, погавкай еще. Кто знает, может, мне захочется дать тебе то, чего ты хочешь.

Его сарказм заставил меня вздохнуть с облегчением.

— ... То, что ты не настолько извращенец — это, полагаю, благословение.

Я не собирался отвечать, но слова сорвались сами собой. Константин рассмеялся, будто не верил своим ушам.

— Ты заставляешь меня захотеть им стать.

На этот раз я плотно закрыл рот. Если я отвечу снова, кто знает, что еще он выкинет. Мне нужно было выбраться, пока его настроение снова не сменилось.

— Ах, но я всё же должен тебе кое-что дать.

Внезапно он взял со стола бумажник. Достал пачку купюр и протянул их мне, всё еще сидящему на полу.

— Дэниел пытался купить трах с тобой за десять штук, но он сейчас в отключке.

Сказано так нагло, при том что именно он вырубил Дэниела. Я перевел взгляд с его руки, сжимающей деньги, на сами купюры. Даже отсюда я чувствовал этот запах — тяжелый, унижительный запах денег.

— Если бы я не оттащил тебя, ты бы сейчас вовсю терся об обмякшее тело Дэниела. Какая жалость. Я и не знал, что твоя задница слишком драгоценна, чтобы продать её даже за двадцать штук. И всё же, компенсация — это справедливо.

— ...

— Считаю, что это от Дэниела.

Его глаза сузились, но голос был холодным. Я поднял свое изуродованное лицо и молча уставился на пачку денег, которую он протягивал. Затем, без единого слова, взял её.

— Скажи Дэниелу, что ты их принял.

— Скажу.

Его изумрудный взгляд впился в меня, тяжелый и неумолимый. Но я сделал вид, что не замечаю. Вливая силу в дрожащие ноги, я заставил себя подняться. Он велел мне уйти, и я больше всего на свете хотел сбежать. Это была единственная оставшаяся мысль.

Я больше не хотел с ним сражаться, не хотел перемолвиться ни словом. Не было причин. Я схватил свой пиджак, скомканный словно ветошь на полу, и пересек просторную комнату. Ноги дрожали, шаги были неверными. Из-за смеси наркотиков и побоев идти прямо было невозможно. Я тревожно кусал губы, направляясь к двери.

— Что за походка? Ты довольно ловко разливал наркотик.

Он заговорил с дивана, глубоко погрузившись в подушки. Эти слова заставили меня замереть.

Как, черт возьми, он заметил? Дэниел прямо перед моим носом ничего не увидел, а Константин, сидящий сзади — увидел. Холодный пот потек по моей спине. Но теперь я не мог отступить. Мои застывшие руки сжались в кулаки. Меня трясло, но я не позволял ему увидеть мой страх.

— ... Этого не было.

Я выдавил отрицание сквозь стиснутые зубы, не оборачиваясь, и ускорил шаг к двери.

— Не было? Лжешь ты мастерски. Тогда хотя бы перестань шататься. Если не хочешь, чтобы я дал тебе повод хромать по-настоящему.

— Ладно.

Казалось, я иду по тонкому льду. Его прихоть могла обрушиться в любую секунду. Нервы натянулись до предела, пот скатывался по виску и капал с челюсти.

Но я сохранял лицо бесстрастным, спину — прямой и заставлял себя делать каждый шаг. Наконец я коснулся холодной рукой дверной ручки. Слабый вздох сорвался с моих губ. Я обернулся и посмотрел на него.

Константин вальяжно развалился на красном диване, на котором сидел вначале, с бокалом янтарного спиртного в руке. Прямо перед тем как поднести его к губам, он лениво перевел глаза на меня, ловя мой взгляд.

— Что? Собираешься сказать, что был рад меня видеть?

Он улыбнулся, и ямочки на щеках стали глубокими. Безупречный, бесяще красивый. Я позволил своему взгляду скользнуть по этой улыбке, этим ямочкам, этому лицу, высеченному словно статуя.

— Нет. Я кое-что забыл.

— Кое-что забыл?

— Плату за лечение.

Я подбросил пачку денег, которую он мне дал, в воздух. Зеленые купюры веером разлетелись по просторной комнате. Сквозь падающую бумагу я встретился с его изумрудными глазами, немигающе уставившимися на меня.

— Это за то, что я не подам на тебя в суд из-за сломанного носа.

Прежде чем последняя купюра коснулась пола, я развернулся, открыл дверь и вышел.

— Да... Рад был снова тебя видеть, Санни.

Его низкий голос последовал за мной, теплый, с тенью смеха. Неожиданно.

Псих.

Бах. Я захлопнул резную дверь со всей силы. Мои разбитые губы снова лопнули, кровь потекла по подбородку. Я грубо вытер её, а затем побрел прочь так быстро, как только мог. Мне нужно было убраться отсюда, пока этот непредсказуемый ублюдок снова меня не схватил.

<http://bllate.org/book/16515/1503314>